Повесть непогашенной луны

Автор:
Борис Пильняк

Повесть непогашенной луны

Борис Андреевич Пильняк

«Повесть непогашенной луны» – сочинение дерзкое для своего времени. Писатель решился изложить распространенную, хотя и не афишируемую версию гибели видного военачальника Красной армии М.Фрунзе, согласно которой тот был отправлен Сталиным на смерть под видом проведения операции по удалению язвы желудка. Прототипы главных героев не названы по именам, однако современники легко разглядели знакомые черты. В повести железный закон революционной дисциплины оказывается сильнее здравого смысла: понимая, что его хотят убить, персонаж отправляется на не нужную с медицинской точки зрения операцию только ради того, чтобы выполнить приказ. Бывший нарком по военным делам, без тени сомнения обрекавший на гибель тысячи людей, смиренно склоняется перед волей руководителя, бессмысленно жертвуя собственной жизнью…

Борис Пильняк

Повесть непогашенной луны

ПРЕДИСЛОВИЕ

Фабула этого рассказа наталкивает на мысль, что поводом к написанию его и материалом послужила смерть М. Ф. Фрунзе. Лично я Фрунзе почти не знал, едва был знаком с ним, видев его раза два. Действительных подробностей его смерти

я не знаю, – и они для меня не очень существенны, ибо целью моего рассказа никак не являлся репортаж о смерти наркомвоена. – Все это я нахожу необходимым сообщить читателю, чтобы читатель не искал в нем подлинных фактов и живых лиц.

Бор. Пильняк

Москва 28 янв. 1926 г.

Воронскому[1 - А… К. Воронский – член ВЦИКа, известный критик-марксист. (Прим. ред.)], дружески

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На рассвете над городом гудели заводские гудки. В переулках тащилась серая муть туманов, ночи, измороси; растворялась в рассвете, – указывала, что рассвет будет невеселый, серый, изморосный. Гудки гудели долго, медленно, – один, два, три, много – сливались в серый над городом вой: это, в этот притихший перед рассветом час, гудели заводы, – но с окраин долетали визгливые, бередящие свисты паровозов, идущих и уходящих поездов, – и было совершенно понятно, что этими гудами воет город, городская душа, залапанная ныне туманной мутью. В этот час в типографиях редакций ротационки выбрасывали последние оттиски газет, и вскоре – со дворов экспедиций – по улицам рассыпались мальчишки с газетными кипами; один-другой из них на пустых перекрестках выкрикивал, прочищая глотку, так, как будет кричать весь день:

– Революция в Китае! К приезду командарма Гаврилова! Болезнь командарма!

В этот час к вокзалу, куда приходят поезда с юга, пришел поезд. Это был экстренный поезд, в конце его сизо поблескивал синий салон-вагон, безмолвный, с часовыми на подножках, с опущенными портьерами за зеркальными стеклами окон. Поезд пришел из черной ночи, от полей, промотавших, роскошествуя, лето на зиму, ограбленных летом для того, чтобы стариться снегом. Поезд вполз под крышу вокзала медленно, не шумно, стал на запасный путь. На перроне было пустынно. У дверей, должно быть, случайно, стояли усиленные наряды милиции

с зелеными нашивками. Трое военных, с ромбами на рукавах, пришли к салон-вагону. Люди там обменялись честями, – эти трое постояли у подножки, часовой шептал что-то внутри вагона, – тогда эти трое поднялись по ступенькам и скрылись за портьерами. В вагоне вспыхнул электрический свет. Два военных монтера закопошились у вагона и под крышей вокзала проводили телефонные провода в вагон. Еще подошел человек к вагону, в демисезонном стареньком пальто и – не по сезону – в меховой шапке-ушанке. Этот человек никакой чести не отдавал, и ему не отдали чести, он сказал:

– Скажите Николаю Ивановичу, что пришел Попов.

Красноармеец посмотрел медленно, осмотрел Попова, проверил его несвежие башмаки и медленно ответил:

– Товарищ командарм еще не вставали.

Попов дружески улыбнулся красноармейцу, почему-то перешел на ты, сказал дружески:

– Ну, ты, братишка, ступай, ступай, скажи ему, что пришел, дескать, Попов.

Красноармеец пошел, вернулся. Тогда Попов полез в вагон. В салоне, потому что опущены были занавеси и горело электричество, застряла ночь. В салоне, потому что поезд пришел с юга, застрял этот юг: пахло гранатами, апельсинами, грушами, хорошим вином, хорошим табаком, – пахло хорошим благословением полуденных стран. На столе около настольной лампы лежала раскрытая книга и около нее тарелка с недоеденной манной кашей, – за кашей – расстегнутый кобур кольта, с ременным шнурком, легшим змейкой. На другом конце стояли раскупоренные бутылки. Трое военных, с ромбами на рукавах, сидели в стороне от стола в кожаных креслах вдоль стены, сидели очень скромно, навытяжку, безмолвствовали, с портфелями в руках. Попов пролез за стол, снял пальто и шапку, положил их рядом с собой, взял раскрытую книгу, посмотрел. Приходил ко всему на свете равнодушный проводник, убрал со стола; бутылки поставил куда-то в угол; смел на подносик корки гранатов, – постелил на стол скатерть, поставил на нее одинокий стакан в подстаканнике, тарелку с черствым хлебом, рюмку для яиц; принес на тарелочке два яйца, соль, пузыречки с лекарствами; отогнул угол портьеры, посмотрел на утро, – раздвинул портьеры на стеклах окон, шнурки портьер прожикали сиротливо, – потушил электричество: и в салон

залезло серое, в измороси осеннее утро. Все стало очень обыденно, можно было разглядеть в углу ящик с вином и трубкою свернутый ковер. Проводник монументом стал в дверях, неподвижный, с салфеткой в руках. Лица у всех в этом мутном утре были желты, – жиденький водянистый свет походил на сукровицу. В дверях рядом с проводником стал ординарец, походная канцелярия уже работала, прозвонил телефон.

Тогда из купе-спальни в салон прошел командарм. Это был невысокий, широкоплечий человек, белокурый, с длинными волосами, зачесанными назад. Гимнастерка его, на рукаве которой было четыре ромба, сидела нескладно, помятая, сшитая из солдатского зеленого сукна. Сапоги со шпорами, хоть и были вычищены тщательнейше, стоптанными своими каблуками указывали на многие свои труды. Это был человек, имя которого сказывало о героике всей гражданской войны, о тысячах, десятках и сотнях тысяч людей, стоявших за его плечами, – о сотнях, десятках и сотнях тысяч смертей, страданий, калечеств, холода, голода, гололедиц и зноя походов, о громе пушек, свисте пуль и ночных ветров, – о кострах в ночи, о походах, о победах и бегствах, вновь о смерти. Это был человек, который командовал армиями, тысячами людей, – который командовал победами, смертью: порохом, дымом, ломаными костями, рваным мясом, теми победами, которые сотнями красных знамен и многотысячными толпами шумели в тылах, радио о которых облетало весь мир, – теми победами, после которых – на российских песчаных полях – рылись глубокие ямы для трупов, ямы, в которые сваливались кое-как тысячи человеческих тел. Это был человек, имя которого обросло легендами войны, полководческих доблестей, безмерной храбрости, отважества, стойкости. Это был человек, который имел право и волю посылать людей убивать себе подобных и умирать. Сейчас в салон прошел невысокий, широкоплечий человек с добродушным, чуть-чуть усталым лицом семинара[2 - Семинар (устар.) – семинарист. (Прим. ред.)]. Он шел быстро, и его походка одновременно сказывала в нем и кавалериста, и очень штатского, никак не военного человека. Трое штабистов стали перед ним во фронт: для них это был человек – рулевой той громадной машины, которая зовется армией, – человек, который командовал их жизнью, главным образом их жизнью, преуспеваниями, карьерой, неудачами, жизнью, но не смертью. Командарм приостановился перед ними, руки не подал, сделал тот жест, который позволял им стоять вольно. И так, стоя перед ними, командарм принял от них рапорты: каждый из этих троих выступал вперед, становился во фронт и рапортовал – «во вверенном мне», – «служба революции». Каждому отрапортовавшему командарм жал руки по порядку (должно быть, не слушая рапортов). Тогда он сел перед одиноким стаканом, и проводник возник рядом, чтобы налить из блестящего чайника чаю. Командарм взял яйцо.

– Как дела? – спросил попросту, без рапортов, командарм.

Один из троих заговорил, сообщил новости и тогда спросил в свою очередь:

– Как ваше здоровье, товарищ Гаврилов?

Лицо командарма сделалось на минуту чужим, он сказал недовольно:

– Вот был на Кавказе, лечился. Теперь поправился, – помолчал, – теперь здоров. – Помолчал. – Распорядитесь там, никаких торжеств, никаких почетных караулов, вообще… – Помолчал. – Вы свободны, товарищи.

Трое штабистов поднялись, чтобы уйти. Командарм, не поднимаясь, каждому из них подал руку, – те вышли из салона бесшумно. Когда в салон входил командарм, Попов не поклонился ему, взял книгу и отвернулся с ней от командарма, перелистывал. Командарм одним глазом взглянул на Попова и тоже не поклонился, сделал вид, что не заметил человека. Когда штабисты ушли, – не приветствуя, точно они виделись вчера вечером, командарм спросил Попова:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

А… К. Воронский – член ВЦИКа, известный критик-марксист. (Прим. ред.)

2

Семинар (устар.) – семинарист. (Прим. ред.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/pil-nyak_boris/povest-nepogashennoy-luny

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить